

УДК 82-3

О белой магии и черной литературе, или как сделан «Миал» Эрны Бродбер?

Тлостанова Мадина Владимировна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры истории философии,
Российский Университет Дружбы Народов,
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая д. 6;
e-mail: mydina@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу романа современной ямайской писательницы Эрны Бродбер «Миал» в контексте афро-карибской традиции, а также в сопоставлении с литературными моделями постмодернизма и постколониальной прозы, с учетом гендерного измерения. Автор останавливается на анализе карибского сказа как основного инструмента Бродбер в создании ее художественной вселенной, а также на нелинейной модели времени, лежащей в основе романа. Особое внимание уделено рассмотрению повествовательных и композиционных принципов, фабульно-сюжетного построения и характеристики романа. В статье делается вывод о своеобразии поэтики Бродбер, воспринимающей художественное творчество как акт исцеления, освобождения и воссоздания цельности бытия, сознания и эстетизиса автора и читателей.

Ключевые слова

Эрна Бродбер, карибская литература, миализм, постколониализм, постмодернизм, деколониальная эстетика.

Введение: социология как искусство

Литературоведение во многом и сегодня остается заложником пост-

просвещенческой модели мировой литературы, где привязка авторов к той или иной традиции осуществляется по этнокультурному, языковому и гражданскому принципам. В резуль-

тате множество явлений, актуальных для современной литературы, либо ошибочно классифицируется в рамках названных категорий, либо выпадает вовсе из поля зрения критики. Это относится к авторам, отмеченным транскультурными, полиязыковыми, диаспорными, постколониальными и деколониальными тенденциями, в особенности если они не входят в круг коммерчески освоенных экзотических продуктов – своего рода писателей как колониальных товаров эпохи обанкротившейся глобализации. Писатель, о котором пойдет речь, отвечает названным особенностям и, к сожалению, неизвестен отечественному читателю, хотя в англоязычном мире уже давно и прочно занимает важное место в контексте экспериментальной постмодернистской по форме литературы, женского незападного письма, карибской транснациональной и шире, постколониальной традиции и, наконец, глобальной постнациональной словесности.

Эрна Бродбер (р. 1940) – ямайский писатель, социолог и культуролог, в отличие от многих карибских авторов, сознательно не пожелавшая иммигрировать на Запад и примкнуть к многочисленной афро-карибской диаспоре и сумевшая еще в 1980-х

годах создать альтернативный мужскому канон вест-индской актуальной литературы, не вписывающейся ни в западные модели, ни в постколониальные местноколористические клише¹. Вместо этого, получив образование в США, она вернулась в старый семейный дом, обросший за долгие годы лабиринтом дополнительных комнат и коридоров, в местечке Вудсайд в самом сердце Ямайки, и пошла путем тонкого, самоироничного, импровизационного балансирования между литературным воплощением карибской женской идентичности, особому преломленной космологии, и пропущенными через призму этой позиции приемами современной экспериментальной прозы, культуры африканской диаспоры, феминизма.

Уже первый ее роман «Джейн и Луиза вскоре вернутся домой» (1980) – художественный вариант социологического полевого исследования, написанный для того, чтобы помочь студентам понять психологические процессы и комплексы, отметившие жизнь обитателей сельской Ямайки. Первоначально он не предназначался для широкой аудитории, но сегодня

1 См. Тлостанова М.В. Теоретические проблемы и литература 80-90-х гг. // История литературы Латинской Америки. Т. IV. – М., 2004. – С. 546.

входит во все обязательные списки курсов карибской и афро-диаспорной литературы и в самой Вест-Индии и за рубежом, являясь основой женского канона этой традиции, в которой наряду с Эрной Бродбер присутствуют такие писательницы, как Мерль Ходж, Пол Маршалл, Мишель Клифф, Джеймейка Кинкейд. В рамках этой своеобразной пост-вест-индской женской традиции релятивизируются и очуждаются как постмодернизм, так и карибская литература предшествующих десятилетий с ее набором устоявшихся форм, приемов и гендерных ролей.

Ничего общего с западной социологизаторской литературой, отмеченной раздражающей политической ангажированностью и идеологической узостью, книги Бродбер не имеют. Как социолог она крайне далека от европоцентристских концептуальных изъянов и объективирующих методологий современных социальных наук. Она, по сути, пересоздает эту науку и переосмысляет роль ученого в рамках социологии участия, поскольку не занимается объективированным изучением местных информантов, которые никогда прежде не имели возможности рассказать свои истории, а пытается стать частью их жизни, войти в их герменевтическую вселенную,

увидеть мир их глазами, что ей сделать неизмеримо легче, поскольку она оставалась и остается неотъемлемой частью карибской культуры.

В эссе «Литературный вымысел в научном исследовании» писательница утверждает, что ее социология является не холодным и объективным анализом со стороны, но попыткой понимания культуры изнутри и непременно с учетом собственной позиции и самоощущения исследователя и социального работника, что сообщает его деятельности личностную окраску². Он или она меняются и сами в процессе сложного взаимодействия с респондентами, и терапия, которой они подвергают своих клиентов, в конечном счете меняет и их самих, возвращая к корням и позволяя разделить общий сокровенный опыт. В этом смысле психоаналитической творческой терапии позиция Бродбер и как писателя, и как ученого пересекается с моделью Франца Фанона³. Однако между ними есть и существенные различия, связанные, например, с гендер-

2 Brodber E. Fiction in the Scientific Procedure // Caribbean Women Writers: Essays from the First International Conference. ed. S. Cudjoe. – Wellesley, Mass.: Calaloux, 1990. – P. 165.

3 Fanon F. Black Skin, White Masks. – N.Y., Grove Press, 1967 [1952]. – 232 p.

ным измерением психического ландшафта людей.

В ее первых романах ощущается влияние поэтики таких известных карибских авторов-мужчин, как Уилсон Харрис и особенно барбадосский по происхождению писатель Джордж Лэмминг, чья книга «В замке моей кожи» (1970) – переосмысленная история Карибов и одновременно автобиографический роман воспитания – стала парадигматическим произведением вест-индской постколониальной литературы. Однако экзистенциалистские обертоны отчуждения, абсурда, одиночества, окрашенные к тому же нередко в фаноновские тона, характерные для мужской карибской прозы, в случае с Бродбер изначально смягчены и реинтерпретированы в иной, более жизнеутверждающей модальности. Это связано не в последнюю очередь с тем, что героинями ее всегда были женщины, причем нередко женщины, обладавшие магической и сверхъестественной силой, целительными способностями, осознанной альтернативной этикой и онтологией, как и поразительной памятью, сохранявшей в обход официальной истории полустертые жизни забытых людей, сообществ и культур. Поэтому для Бродбер столь важна акцентуация всегда подразумеваемой

возможности духовного возрождения, социальной реинтеграции, исцеляющей силы общины, а не только агрессивного противостояния, изоляции и отчаяния. Именно в этом глубинном аспекте она сохраняет особое карибское коммуитарное начало, в отличие от писателей-мужчин, легко соскальзывающих в западный индивидуалистический модус.

Ее героини пытаются понять прошлое путем обращения к семейному или групповому историческому опыту, как и осмыслить собственные полисемантические роли внутри разнообразной, но неизменно целостной общины в настоящем. Эта целостность никогда не упрощается Бродбер, но всегда воссоздается как сложный конгломерат разнообразия и различия, объединенный ценностными основаниями и связывающий незримыми нитями самые разные группы людей – белых и цветных, бедных и богатых, христианства и спиритуалистических культов Африки и Карибов, мужчин, женщин и детей. Это видение принципиально интегративно и не исключает никого. Оно апеллирует к высшему онтологическому порядку, сложной космологической гармонии, которая доступна всем и для каждого выступает в новом изменчивом обличье, оставаясь при этом всегда самой собой. Процесс

создания такого мира на бумаге есть освобождение бытия, мышления и чувствования и автора и читателей.

«Миал» (1989) – самый известный роман Бродбер, завоевавший престижную Премию Писателей Содружества. Большинство литературоведов классифицируют его в рамках привычных категорий – магического реализма, литературной креолизации, антиколониальной прозы, тем самым упрощая сложную художественную природу этого произведения. Ее легче определить от противного. Это роман не модернистский, не постмодернистский, не целиком постколониальный, не вполне предсказуемо женский. Само его разворачивание соответствует логике карибского ритуала освобождения и противостояния. Название этого произведения несет огромное количество коннотаций, не прочитываемых обычным англоязычным читателем, и является ключом к пониманию всей книги, попыткой писателя возродить и утвердить позитивный идеал афро-карибского «я».

Миализм как религия освобождения

На Ямайке сосуществовало огромное количество гибридизированных африканских по происхожде-

нию космологических и религиозных традиций, привезенных рабами, но затем испытавших влияние христианства, особенно в его морализаторских, чаще протестантских формах. Современный исследователь Паджет Генри связывает их с афро-христианской фазой, отмеченной асимметрией интеркультурационных процессов, которая длилась с середины XVIII по 60-е годы XIX столетия⁴. Те из традиций, что были связаны с культурой Ашанти в Западной Африке, называли своих жрецов «людьми миал», а конкурировавшие с ними космологические и религиозные представления выходцев из Центральной Африки (современного Конго) связывались с понятием «обеа» (колдовство). Современному человеку, тем более не выходцу с Карибов, как правило, известен лишь культ «обеа», который остается жизнеспособной формой народной магии, но он вряд ли что-то слышал о миализме. И роман Бродбер преодолевает эту несправедливость.

Миализм был осколком эзотерических африканских культов, который на Карибах превратился в своеобразную религию освобождения.

4 Henry P. Caliban's Reason. Introducing Afro-Caribbean Philosophy. – N.Y.: Routledge, 2000. – P. 6.

Помимо него в том же русле в разное время развивались вудуизм, движение растафари, кумфа, сантерия, черный сионизм и т.д. Эти традиции были прочно связаны с противостоянием порабощению и унижению человеческого достоинства в форме сохранения и воспроизводства иных, запрещенных и замалчиваемых форм знания и забытых, искаженных локальных историй. Они всегда находились вне колониальной эпистемы и потому были для нее опасны. Антропологи Джин и Джон Комарофф назвали эти явления «приручением» христианских протестантских практик в карибском контексте⁵. Лидеры миализма отличались, как правило, визионерством, нередко обладали сверхъестественными и целетельными способностями, трактовавшимися официальной колониальной администрацией как опасное помешательство, были прекрасными воинами, неизменно акцентировавшими задачу сохранения и приумножения благополучия своего народа.

Перенесенные на Карибы из Африки, подобные религиозно-идеологические практики оказались

воплощены в деятельности таких лидеров, как Сэм Шарп (предводитель восстания рабов 1832 г., получившего название Ямайской баптистской войны) и Тэки (вождь короманти, возглавивший одно из первых восстаний рабов на Карибах в 1760 г.), чьи фигуры метафорически зашифрованы в персонажах романа Бродбер наряду с современником Бобом Марли⁶. Бродбер понимает миал предельно широко, связывая его с этими предшествующими и последующими импульсами освобождения мышления, сознания, чувствования, прочерчивая стертую генеалогию миализма как карибского эмансипаторного драйва ре-экзистенции, то есть, по мысли А. Альбана-Акинте, (вос)создания позитивных жизненных моделей, миров и самоощущения, превосходящих несовершенство и несправедливость мира⁷.

В 60-х гг. XIX века социально-экономический кризис ямайского об-

5 Comaroff J., Comaroff J. *Of Revelation and Revolution: The Dialectics of Modernity on a South African Frontier*. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1997. – P. 101.

6 Интересно, что сама Бродбер вступила в современную растафарианскую деноминацию «Двенадцать колен Израиля» еще в 1976 году.

7 Alban Achinte A. *Texiando textos y saberes. Cinco hijos para pensar los estudios culturales, la colonialidad y la interculturalidad*. – Popayán, Editorial Universidad del Cauca, Colección Estudios (Inter)culturales, 2006. – 121 p.

щества, в котором не последнюю роль играли отмена рабства, попытки возрождения запрещенной космологии и духовности потомков африканских рабов, новые пути легитимации социального неравенства, вызвали всплеск эсхатологических движений контекстного толка, где синкретически смешивались христианские представления о конце света и миалистские культы. Эти события, получившие название «великого возрождения», присутствуют в романе незримым темным фоном, предысторией, окрашивающей жизнь ничего не подозревающих персонажей.

Миализм стал в итоге аутентичной ямайской транскультурной космологией и этикой, в которой находила опору молодая ямайская идентичность. В основе европейского запрета организованных космологий, подобных миал, лежала боязнь бунта и освобождения сознания и человеческого достоинства, которые они несли. Ведь миализм был обращен не к атомизированному, быстро становящемуся западным индивиду (сам этот процесс был также результатом ментальной колонизации, которая привела к распаду общины и насаждению индивидуализма), прибегавшему к колдуну частной

практики обеа, чтобы решить свои личные проблемы – наслать порчу, болезнь, защитить детей и т.д., – а к коллективу, к группе, к общине. Он подчеркивал идею всеобщего единения ради всеобщего же освобождения.

В фабуле романа Бродбер зашифрована эта история противостояния черной и белой магии и возвращения миалистами украденных обеанскими колдунами душ их прежним владельцам. Но за мистической символикой стоит реальная проблема несвободных, колонизированных чужим знанием сознания и мышления, делающих человека, а то и целый народ, беспомощным и зависимым. И сам роман Бродбер становится жестом освобождения, возрождения, пусть и литературного, актом миализма как белой магии, возвращающей человеку связь с забытой историей, с прерванным путем из прошлого, дарующей ему исцеляющую силу общины, корней, отвергнутой, но не уничтоженной до конца локальной космологии. Творческий импульс миализма и романа Бродбер – это ниспровержение чужих идолов и бережное восстановление изгнанных и растоптанных «духов» своего отвергнутого прошлого.

Карибский сказ в интерпретации Бродбер

У Бродбер, как и у большинства карибских писателей, важная роль отведена сказу. Вест-индский сказ имеет коллективную (общинную) и джазово-импровизационную природу, отсылающую к принципам музыкально-поэтической игровой традиции (индивидуального) запева и (коллективного) отклика, с которой и экспериментирует лукавая и проницательная повествовательница⁸. По сути Бродбер создает лирические стихотворения в прозе, из которых складываются ее трудно определимые в жанровом и родовом смысле произведения, отражающие сложную полифонию ямайского «я».

Бродбер – одна из самых сложных для понимания карибских авторов. Она одинаково хорошо ориентируется и в западной и в незападной системе ценностей, эстетике, поэтике, иронизируя над тем и другим, занимая промежуточное положение мистически всезнающего рассказчика, который совершенно не похож на классическо-

го всезнающего автора европейских романов XIX столетия и не стремится навязать некую единую интерпретацию событий, вместо этого предлагая децентрированную мозаику точек зрения, упрятанную в длинные, порой театральные диалоги, воссоздающие красочную избыточность и сложную ритмику устной ямайской стихии; и в разорванную нарративную структуру, неизменно ускользающую от окончательного овладения читателем.

Она виртуозно владеет карибской техникой переключения культурных и языковых кодов⁹, что связано с чувствительностью к проблеме освобождения языка от заточения чужой истории и субъектности, от навязанных ему норм и правил, от фатализма раз и навсегда заданных смыслов. Писательница стремится не просто рассказать историю. Ее необычайно привлекает сам процесс импровизационного сказа, становящегося равноправным с предметом, о котором ведется рассказ. Бродбер и ее героини без остатка поглощены миром, в котором живут, и им бесконечно интересны множественные смыслы и связи

8 Brathwaite E.K. History of the Voice. The Development of Nation Language in the Anglophone. – L.: New Beacon Books, 1984. – 88 p.

9 Тлостанова М.В. Жить никогда. Писать ниоткуда. Постсоветская литература и эстетика транскulturации. – М. УРСС, 2004. – С. 305.

мира и слова, явлений реальности и языка.

Писательница воспринимает устное и письменное слово как один из самых мощных инструментов, позволяющих исцелить душу – свою и читателя. Она привлекает внимание к стертым в обычном языке функциям и происхождению слов, к их внутренней, чаще неосознаваемой форме, к тому, как они звучат, какое место занимают в пространстве между миром человеческим и природным. Ее занимает, каков их исторический и психологический груз, в чем разгадка освобождающей или поработавшей силы слова и его способности генерировать смыслы, нередко в обход существующих надзирающих систем. Свободный, протейный язык для Бродбер – игровое пространство, подверженное постоянному разрушению и воссозданию, как и художественная реальность, которую он описывает. Пространственно-временные измерения последней также намеренно расшатываются, фрагментируются и децентрируются с позиции пограничного творческого сознания, которому заведомо видно больше, чем сугубо западному субъекту или монотонно незападному иному. Отсюда и особая фрагментарность ее произведений, и

нелинейное время, и мнимо разорванный сюжет. Повествование Бродбер отрицает телеологическую природу западного нарратива, воспроизводящего прогрессистскую модель жизни, истории, личности и литературы. Бродбер пародирует западный жанр романа воспитания или становления. В ее случае индивидуальная история персонажа неизменно символизирует особое конфликтное транскультурное пространство, возникающее в результате ментальной колонизации, и постоянное противоречие между полумифической ямайской идентичностью и реальными «я» ее героев.

Хотя книга написана на английском языке, но в определенной мере и против него, диалогизируя с канонической фразой Одри Лорд о невозможности разрушить дом, используя инструменты хозяина¹⁰. Бродбер скорее все же этот дом строит, а не разрушает, но строит в обход привычных западных рациональных шаблонов и чертежей. Для нее в контексте карибской культуры так же немислимо настаивать на расовой чистоте, как и на языковой. Ведь английский язык здесь

10 Lorde A. The Master's Tools Will Never Dismantle the Master's House // Sister Outsider: Essays and Speeches. – Darlinghurst: Crossing Press, 1984. – P. 110-114.

существует в наречиях, бесчисленных диалектах, ямайских «пиджинах», гибридных летучих устных структурах, почти не воссоздаваемых на бумаге. Этот неправильный, с точки зрения британца, английский и есть то, что связывает ямайское сообщество воедино и позволяет ускользнуть от всевидящего ока надзирающего неокOLONиального контроля в области знания, культуры, образования, творчества. Тем сложнее ее задача как писателя – создать роман, в котором сама форма содержательна, в высшей степени органична, но не в постмодернистской интерпретации произведения о своем собственном создании, а в смутной манере писателя-первопроходца, идущего на ощупь, не имеющего перед собой удобного свода канонических правил и эстетических принципов, поскольку западные принципы для нее чужие, а полузабытые карибские так и не стали легитимными, пребывая в течение столетий в резервации антропологической диковины, а не художественного творчества. Сделать их снова легитимными, но при этом не скатиться в искусственную архаизацию, а напротив, воссоздать, ухватить саму живую, сложную, изменчивую полифонию современной карибской жизни во всех ее политиче-

ских, социальных, психологических и культурных обертонах – вот над чем бьется Бродбер.

Как сделан «Миал»?

«Миал» – крайне компактное произведение, чуть более ста страниц запутанной истории двух девушек – Эллы и Аниты. Роман не дается читателю с первого раза. Он напоминает клубок детективных загадок, в котором разгадки присутствуют с самого начала, но мы проходим мимо и понимаем их истинный смысл лишь закрыв последнюю страницу, что заставляет вернуться к началу и перечитать роман снова. Языковой и нарративный пазл этой книги можно расшифровать лишь обратившись к мистическому культу миализма с его нерациональным, ассоциативным модусом восприятия. Головоломка поддастся, если мы забудем о линейной хронологии событий и уловим тщательно созданный автором ритм лейтмотивов и нервов повествования, организующий роман и лишь кажущийся хаотическим. Эти нервы и сплетают воедино прихотливый синкопический узор «Миал». Один из таких лейтмотивов – зомбирование, которое сразу же обретает помимо вполне буквального

и символический смысл навязывания чужой системы ценностей, образования, выхолащивающих собственные коллективное прошлое, память, космологию, этику.

«Миал» – это роман с двойным дном, в котором есть внешний сюжет обыденной жизни и тайный магический миалистский нарратив. Две фабулы лишь иногда пересекаются с помощью персонажей-перевертышей, у которых не совпадают даже имена в реальной жизни и в их миалистской ипостаси. Но именно на спиритуалистическом уровне повествования Бродбер сводит воедино все разрывы, нелогичности, осколки времен и мест, множественные «я» героев – в соответствии с высшей космологической логикой, лежащей в основе бытия. Кроме того, это роман несказанного или даже невысказываемого, потому что самое главное в нем не в словах, а в чувствах, интуициях и настроениях. Создать прозу, в которой слова героев не занимают центрального места, – крайне сложная задача, но Бродбер с ней справилась.

С первой же страницы, без всяких преамбул и объяснений автор вбрасывает читателя в ямайский мир, да еще и в самое сокровенное и тайное его проявление – магический ритуал,

сталкивая лицом к лицу с колдуном и отшельником массом Сирусом (в миалистской системе – *Петухом Перси*), который задает один из лейтмотивов романа, говоря о промежуточных людях – не белых и не цветных, что утратили связь со своей культурой и «подавились» белой. Они несут лишь боль, разрушение и замешательство. Масс Сирус лечит не их физические тела, но души, что недоступно белым докторам. Но лукавый автор тут же прикидывается объективным повествователем, буднично сообщая нам, что магическое исцеление «подавившейся» белой культурой девушки случилось в августе 1919 года, и звали ее Элла О'Грейди – «алебастровая куколка». За этим следует флешбэк о жизни Эллы, объясняющий, почему светлокожая девочка-полукровка, рожденная служанкой от ирландского офицера, оказалась чужой обоим мирам – и белому и черному, с детства стала невидимкой, внешне словно спящей, плывущей по течению, но на самом деле жила в воображаемом мире сошедших с карты Европы Питеров Пэнов и румяных молочниц из английской детской поэзии.

Следующий персонаж, составляющий опору повествования – жена англиканского священника-мулата,

подобно Элле страдающего от раздвоенности и неприкаянности, пронизательная англичанка Мейдин Брассингтон – будущая миалистка *Белая Курица*. Бродбер снабжает нас незаметной подсказкой, сообщая, что миссис Брассингтон почему-то симпатизировала преподобному Симпсону. Спустя несколько глав мы узнаем, что это еще один тайный миалист, в повседневной жизни имеющий неприметное обличье баптистского священника. Третья глава романа представляет собой поток сознания Мейдин и неортодоксальный психоанализ ею поведения собственного мужа. Бродбер строит внутренний монолог Мейдин не на рациональном логическом письме, а на кружении, недомолвках, догадках, смутных интуитивных пророчествах, никогда не называя ничего прямо. Это одна из особенностей колониального дискурса, в том числе и в его скрыто контекстных формах. В отличие от стереотипных белых персонажей постколониальной литературы, страдающих экзотизацией иного, Бродбер рисует Мейдин эмпатически пронизательной героиней, которая хочет взять Эллу к себе в воспитанницы, чтобы через нее лучше понять собственного мужа. Хрестоматийная постколониальная неприкаянность в случае с Бродбер

обретает мистически-духовное измерение, когда устами Мейдин она сообщает нам, что полукровки Уильям и Элла парили отдельно от земли и от людей, постоянно находясь на грани отделения души от тела, и это абсолютное одиночество вряд ли приносило им счастье¹¹. Когда Мейдин понимает, что необходимо излечить души Эллы и Уильяма, автор выводит на сцену еще одну будущую миалистку – загадочную колдунью мисс Гату (*Мать Курицу*), гордо вышагивающую по лесу в ярком африканском тюрбане. Через поток сознания Мейдин Бродбер вводит в роман карибскую проблематику трагедии черной кожи и белых масок¹² или взгляда на мир голубыми глазами, но из-под черных век¹³. Парадоксально, тот, кто сам нуждается в экзорцизме, тот, кто забыл часть своей культуры и боится к ней вернуться, заблуждаясь, воображает, что именно ему даровано право и сила изгонять дьяволов из местных жителей. Но Мейдин знает, что на ме-

11 Brodber E. Myal. – L.: New Beacon Books, 1988. – P. 17.

12 Fanon F. Black Skin, White Masks. – N.Y., Grove Press, 1967 [1952]. – 232 p.

13 Walcott D. The Muse of History // Is Massa Day Dead? Black Moods in the Caribbean. – N.Y.: Anchor Books, 1974. – P. 1-27.

сто изгнанного дьявола придут семь еще более мощных, да и сомневается в том, что то, чем хочет заполнить освободившееся пространство опустошенных душ ее муж (завоевания западной цивилизации и культуры), действительно того стоит. Предлагаемый ею выход отвечает карибской модели транскультурации¹⁴, в которой культуры взаимопроникают, взаимодействуют и взаимовлияют вместо доминирования одной над другими: «Было бы лучше, если бы он смог найти возможность соединить то, что знают они, с тем, что он хочет, чтобы они знали»¹⁵.

Следующий сразу за этой сценической диалог жены учителя Эми и Мейдин представляет собой виртуозное воплощение карибских языковых и социокультурных ритуалов, когда ничего не говорится прямо, но лишь намеками и обиняками¹⁶, да к тому же

автор раскрывает нам истинные мысли и чувства беседующих женщин, подчеркивая зазор между тем, что думается и что произносится. Мейдин снова превращается в психолога, ловко подводя Эмми к нужным выводам в соответствии с логикой переноса. Но делает она это не с корыстными целями, а чтобы установить взаимопонимание, заставить проанализировать собственное поведение и увидеть параллель между своей ситуацией и обсуждаемой проблемой, отказавшись от удобных расовых и социальных стереотипов. Бродбер далека от дежурных постколониальных схем противостояния женщин-колонизаторов и колонизированных. Она акцентирует то, что их связывает, позволяет понять, а не закрыться друг от друга. Описание словесной дуэли женщин напоминает музыкальную пьесу. Эми поначалу не дает Мейдин вставить и словечка. Ее паузы предельно коротки. Мейдин же намеренно держит паузу, не спеша начинать разъяснения, но молча улыбаясь, что ставит собеседницу в тупик. После косвенного обвинения в попытке использовать Эллу как служанку и игрушку для подрастающих сыновей Мейдин прибегает к тактике невинного вопроса с двойным дном, который способен всколыхнуть в собеседнице

14 Ortiz F. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. – Durham: Duke Univ. Press, 1995 [1940]. – 408 p.

15 Brodber E. Myal. – L.: New Beacon Books, 1988. – P. 19.

16 Эта тактика была тщательно проанализирована в отношении афроамериканского дискурса Генри Луисом Гейтсом мл. в работе «Означивающая обезьянка»: Gates H. L. The Signifying Monkey: A Theory of African-American Literary Criticism. – Oxford: University of Oxford Press, 1988. – 320 p.

болезненные воспоминания и желание поставить себя на место другого. Ведь и Эмми хотелось бы взять воспитанницу – Аниту, и тем самым загладить свою вину перед оставленным ради нового мужа сыном.

Упоминание Аниты – поворотный момент в композиции романа. Она окажется одним из его локальных центров, чья история будет продублирована в истории Эллы. И в том и в другом случае есть злодей, ворующий душу молодой девушки, у Аниты – это масс Леви, у Эллы – Сельвин. Разнятся лишь детали. Наконец, мы встречаем и саму Аниту, живущую вместе с матерью в доме констебля масса Леви – как станет известно позже, скрытого вудуиста. На девушку с пугающей регулярностью обрушивается град камней, но Бродбер долго ходит кругами, намекает, позволяя читателю найти то одну, то другую недостающую деталь пазла, подсовывая вполне обыденные объяснения (мальчишеская шалость). Но определенные детали в описании масса Леви и сам тон рассказа о нем заставляют насторожиться. Это подлость по отношению к собственному сыну, эгоизм, неуважение к женщинам, стремление во что бы то ни стало, пусть и ценой украденной души Аниты, вернуть себе утраченную муж-

скую потенцию. Бродбер иронизирует по поводу двух его основных атрибутов – силы и власти, подчеркивая, что имидж справедливого и уважаемого человека может оказаться обманчивым, а община – слепой и даже не способной отличить хорошее от плохого. Писательница далека от идеализации общины как таковой и человеческого закона, который олицетворяет такой дурной персонаж, как масс Леви. Нездаром она отправит его осуществлять свои вудуистские ритуалы в дощатую уборную в саду, где его, одоленного миалистами, и настигнет смерть.

Парад миалистов завершает призрак Старого Африканца, косвенно намекающего на будущую развязку книги: ведь он приходит только туда, где необходимо усмирить чей-то мятежный дух, возомнивший, что он способен изменить ход событий и поколебать космическое равновесие. В уста Старого Африканца (*Поросенка Уилли*) Бродбер вкладывает ключевую фразу романа, которая будет повторена еще не раз: «Вторая половина так и не была рассказана». Эта невысказанная половина разворачивается на множестве уровней – от колонизации сознания, культуры и бытия до колонизации духа и души, порождающих физические и нравственные болезни.

Двойное дно романа Бродбер: литература как целительство

Завершив знакомство читателей с основными героями и коллизией романа, Бродбер переходит к его скрытому освободительному и целительному уровню. Наиболее важный персонаж в этом смысле – преподобный Симпсон (*Бульдог Дэн*), беседующий с поселившимся в нем свободолюбивым духом одного из миалистов из ямайского прошлого. Этот чревоещающий через священника дух превращает его христианские проповеди в революционные манифесты, только речь здесь идет не о политическом освобождении, а о духовном, которое для Бродбер важнее и труднее достижимо. Симпсон – единственный герой-миалист, которого снедает ярость и который не боится откровенно высказывать истины о колонизации. Но это очистительная ярость, готовящая его к новой созидательной фазе – к возвращению культуре и народу духа и души, отнятых западной цивилизацией. Бродбер постоянно подчеркивает противоречие между повседневным уровнем отношений, где действуют привычные стереотипы колониального общества и где чернокожие жители Ямайки не приемлют

англичанку Мейдин, жену священника, которой не дозволено вмешиваться в магию воссоединения душ и тел, ведь западная религия не может победить традиционные культы; – и миалистским уровнем, где все вместе борются за справедливость и гармонию и где физические, расовые, гендерные и социальные различия, обиды и конкуренция не важны.

Миалисты не только общаются друг с другом посредством своеобразного телефона, действующего по принципу телепатической связи между духами людей, живших сотни лет назад, и их теперешним земным воплощением. Они еще и помнят все, что было в их прежних жизнях, и узнают в своих современниках соратников из прошлого. Так Бродбер создает вневременное вечное пространство, в котором существуют бессмертные духи миалистов, воплощающиеся в разных людях на каждом новом временном отрезке.

Затем нелинейный нарратив, отмеченный прихотливой сменой топосов и временных пластов, множественных точек зрения и повествовательных голосов, переносит нас на несколько лет вперед и знакомит со вторым похитителем душ – иронически названным Бродбер «благородным

молодым человеком» американцем Сельвином Лангли, женой которого оказывается Элла. История девушки и окажется той самой второй половиной, о которой еще ничего не было сказано. Сельвин не совершает вудуистских ритуалов, но не менее жестоко потрошит душу Эллы, отнимая, присваивая и опошляя ее прошлое и лишая ее своего «я», заполняя образовавшуюся пустоту дешевым суррогатом американской потребительской культуры.

Хрестоматийный для карибской литературы сюжет соращения белым мужчиной чернокожей женщины у Бродбер обретает зловещие обертоны воровства души и смертельной физической болезни, которая едва не губит Эллу. Американская модель сексуальной экзотизации, которую практикует Сельвин в отношении молодой жены, в отличие от судьбы ее матери представлена как более сложная, но вполне узнаваемая форма расизма, связанная к тому же с характерной для того времени тактикой «сойти за белого», которую он навязывает Элле, скрывая, что она мулатка и заставляя по сути отречься от матери, от друзей, в конечном счете, от Ямайки и собственного прошлого, оставаясь беззащитной перед мужем

и Америкой. В истории Сельвина и Эллы Бродбер безжалостно ниспровергает канонический западный миф о Пигмалионе и Галатее, показывая Пигмалиона жестоким, корыстным и мелочным мошенником, делающим сомнительную театральную карьеру в жанре расистского «Кун-шоу»¹⁷ на основе извращенных рассказов Эллы о своем детстве и знакомого расистского мифа о белой женщине, преследуемой кровожадными и похотливыми чернокожими. Характерно, что в постановке Сельвина время застыло, ведь он следует прогрессистской идее вечной архаики, царящей на «острове дикарей». Поэтому и все деревья в его пьесе плодоносят одновременно, а не каждое в свой срок.

Глазами Эллы читатель смотрит на Америку и сравнивает Балтимор и Ямайку. Но мир повзрослевших Питеров Пэнов и румяных Молочниц, в который она уже путешествовала прежде не телом, но духом, оказывается представлен нарочито театрально, в форме дешевого балагана, населенно-

17 Популярный жанр водевиля, использовавший элементы афроамериканской музыки, вокала и устной поэзии, нередко в основе – сакральной, лишавшейся своего духовного измерения, в сочетании с плоскими расистскими стереотипами.

го не живыми людьми, а марионетками. Так реализуется в романе постколониальный принцип канонического контрдискурса¹⁸, возвращающего белой культуре ту самую стереотипизацию, посредством которой она всегда представляла свое темное иное. Это тоже акт освобождения – только через определенную оптику видения, которой виртуозно владеет Бродбер. Она прибегает к довольно сложной нарративной структуре: повествуя Сельвину историю Аниты, Элла выступает в роли рассказчика, не до конца понимающего событие, ведь ей известна только одна половина, о которой пророчествовал Старый Африканец. Вторая же касается воровства души самой Эллы и воровство это происходит прямо в процессе ее рассказа об Аните, так сказать, на глазах у читателя.

Здесь приходит время снова обратиться к половине, которая не была рассказана, чтобы поведать об истинных целях миализма. И частная история двух деревенских девочек вдруг обретает глубину, историзм, социальное и политическое измерения. А Бродбер представляет нам в компактной форме своеобразную философию

освобождения человека, сохранения его власти, любви и силы вместо страха и опустошения, которые несли с собой в течение последних нескольких столетий все реальные и символические похитители душ и производители удобных зомби. Цель миал – выработать особую стратегию, которая позволит победить похитителей духов и вернуться домой. Процесс управляемой и ограниченной инфильтрации колониальной культуры иностранными обычаями миалисты называют противоядием против зомбификации, сравнивая его с прививкой от оспы. Воздействие западной цивилизации снова, как и в начале романа, ассоциируется с болезнью и требует лечения.

Следующий магический персонаж, представленный Бродбер крупным планом – старая колдунья мисс Гата, серьезная конкурентка любым священникам. Ведь жители Гроув Таун гораздо охотнее придут на ее коллективное моление, чем на церковную службу. Здесь преломляется ямайское поверье о телефоне с земли на небеса¹⁹. Участники моления словно пытаются дозвониться до небес,

18 Tiffin H. Postcolonial Literatures and Counter-Discourse // The Postcolonial Studies Reader. – L., N.Y.: Routledge, 1995. – P. 95-98.

19 Этот миф стоит также в центре романа Мишель Клифф «Нельзя позвонить на небеса»: Cliff M. No Telephone to Heaven. – N.Y.: Plume, 1987. – 224 p.

чтобы спасти Аниту. И пока масс Леви сжимает в руках куклу с лицом девушки, мисс Гата весь день без передышки отвоевывает ее душу. В сцене окончательной победы мисс Гаты они с Анитой буквально превращаются друг в друга и кольцо симпатической магии, наконец, размыкается, когда обе женщины, а также кукла-вольт в руках уже умирающего (якобы от сердечного приступа) масса Леви кричат: «Отпусти меня!»

Драматическая сцена миалистского экзорцизма быстро сменяется Бродбер камерным дуэтом Эллы и Сельвина, в чьих мечтах о будущей жизни маститого драматурга ей нет места, ведь Элла больше была ему не нужна. За пробуждением, прозрением и стремительным взрослением девушки следует болезнь – физическая и душевная, которую Бродбер представляет в духе сочной и одновременно одухотворенной карибской телесности – как падение из туманного мира грез и фантазий в мир реальный, где больше Гроув Таун и его обитатели не были отделены тонкой пленкой от Сельвина и Америки. Здесь Бродбер снова обращается к принципам эмпатии и параллелизма, на которых внутренне построен роман. Ведь научившись чувствовать холод, боль, страх и

любовь, бывшая алебастровая куколка обрела и способность дотрагиваться до других людей в духовном смысле. Бесплодность брака Эллы и ее пребывания в США постоянно подчеркивается в эпитетах «высохшая», «лишенная всех соков», «высосанная» и, наконец, оканчивается истерической беременностью, немотой, безумием девушки и страстной мольбой к Господу помочь ей очиститься.

Параллельно с болезнью и перерождением Эллы происходит в романе и постепенная трансформация преподающего Брассингтона, которому предстоит понять и искупить свою вину за ее несчастья, перестать манипулировать женой и научиться помогать Мейдин, слышать и даже слушаться ее, чтобы стать – как и Элла – одним из «новых людей», не принимающих на веру готовых решений и чужих уроков. Исподволь Бродбер подводит своего героя к сомнению, прозрению, раскаянию и пониманию. Место глупого соперничества с Симпсоном и противостояния с Гроув Тауном занимает теперь искреннее желание спасти Эллу, даже ценой собственного участия в магическом ритуале масса Сируса.

На последних страницах романа Бродбер представляет Эллу учи-

тельницей в местной школе, чтобы познакомить нас с детской книжкой, в которой вдруг обнаруживаются уже знакомые нам персонажи – миалисты. Только здесь они действуют в своем животном обличье – бульдога, поросенка, курицы, петуха, живущих на ферме мистера Джо и задумавших сбежать от хозяина. У западного читателя все это вызовет оруэлловские ассоциации, но это будет лишь половина истории. Ведь на самом деле она представляет собой притчу о колонизации и ее губительных и долговременных последствиях. В иносказательной манере преподобный Симпсон представляет два эффективных принципа воровства духа, действующих уже на протяжении столетий: «Сначала заставьте их поверить, что им некуда пойти и некуда развиваться. А затем заставьте их видеть самых умных из них как презираемых дураков и шутов»²⁰. Именно это и грозит освободившимся бунтарям – шутовство и безделье, отсутствие чувства ответственности и смысла жизни, которых их лишили хозяева. Но Элла чутко улавливает, что автор детской книжки пытается нарисовать мир без альтернатив, а это неправда. В простой истории домаш-

20 Brodber E. Myal. – L.: New Beacon Books, 1988. – P. 98.

них животных зашифрована логика «мизантропического скептицизма»²¹, согласно которой тот, кто думает не как мы, не может думать вовсе, более того, вовсе не является человеком. В космологии Бродбер все живые существа обладают внутренним врожденным светом, который ведет их по жизни, и недопустимо лишать их этого света и превращать в пустые оболочки, в живых мертвецов, способных лишь выполнять чужие приказы.

Заключение: прививка от модерности

В заключительной главе герои обращаются к понятию зомбирования, переводя его на уровень деколонизации сознания, бытия, чувствования и особой формы противостояния, которую не сможет отнять никто и никогда. Суть этого противостояния в эпистемологическом неповиновении, в сомнении, в критическом отношении к любым навязываемым авторитетам, законам и общепринятым представлениям и в подлинной свободе, которую дает такая позиция. В

21 Maldonado-Torres N. On the Coloniality of Being: Contributions to the Development of a Concept // Cultural Studies. – 2007. – March/May. – V. 21, No. 2-3. – P. 245.

уста своей самой пронизательной героини Мейдин вкладывает Бродбер и сложную задачу, которая стоит перед «новыми людьми», привитыми западной культурой, но сумевшими не утратить своей собственной. Она состоит в устранении самоотчуждения, в том, чтобы помочь своему народу заново обрести себя и создать новый и более совершенный мир во всей его полноте и великолепии.

Завершая разговор о романе, хотелось бы подчеркнуть именно это обстоятельство: его крещендо позитивного жизнотворения и миротворения посредством исцеляющей силы

миализма. Это не часто встречающиеся интонация и интенция, причем как в постколониальной, так и в постмодернистской литературе. Ведь первая тяготеет больше к модусу разрушения и противостояния, а вторая акцентирует фрагментацию мира, истории и человека, принципиально отказываясь снова соединять их воедино. В художественном же макрокосме Бродбер происходит это возрождение цельности бытия, хотя его реализация вынужденно относится автором в трансцендентную сферу духа – на тот самый загадочный уровень, где и действует белая целительная магия ее творчества.

Список литературных источников

1. Глостанова М.В. Жить никогда. Писать ниоткуда. Постсоветская литература и эстетика транскультурации. – М. УРСС, 2004. – 415 с.
2. Глостанова М.В. Теоретические проблемы и литература 80-90-х гг. // История литературы Латинской Америки. Т. IV. – М., 2004. – 584 с.
3. Alban Achinte A. Texiendo textos y saberes. Cinco hijos para pensar los estudios culturales, la colonialidad y la interculturalidad. – Popayán, Editorial Universidad del Cauca, Colección Estudios (Inter)culturales, 2006. – 121 p.
4. Brathwaite E.K. History of the Voice. The Development of Nation Language in the Anglophone. – L.: New Beacon Books, 1984. – 88 p.
5. Brodber E. Fiction in the Scientific Procedure // Caribbean Women Writers: Essays from the First International Conference. ed. S. Cudjoe. – Wellesley, Mass.: Calaloux, 1990. – P. 165-166.

6. Brodber E. Myal. – L.: New Beacon Books, 1988. – 111 p.
7. Cliff M. No Telephone to Heaven. – N.Y.: Plume, 1987. – 224 p.
8. Comaroff J., Comaroff J. Of Revelation and Revolution: The Dialectics of Modernity on a South African Frontier. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1997. – 612 p.
9. Fanon F. Black Skin, White Masks. – N.Y., Grove Press, 1967 [1952]. – 232 p.
10. Gates H. L. The Signifying Monkey: A Theory of African-American Literary Criticism. – Oxford: University of Oxford Press, 1988. – 320 p.
11. Henry P. Caliban's Reason. Introducing Afro-Caribbean Philosophy. – N.Y.: Routledge, 2000. – 304 p.
12. Lorde A. The Master's Tools Will Never Dismantle the Master's House // Sister Outsider: Essays and Speeches. – Darlington: Crossing Press, 1984. – P. 110-114.
13. Maldonado-Torres N. On the Coloniality of Being: Contributions to the Development of a Concept // Cultural Studies. – 2007. – March/May. – V. 21, No 2-3. – P. 240–270.
14. Ortiz F. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. – Durham: Duke Univ. Press, 1995 [1940]. – 408 p.
15. Tiffin H. Postcolonial Literatures and Counter-Discourse // The Postcolonial Studies Reader. – L., N.Y.: Routledge, 1995. – P. 95-98.
16. Walcott D. The Muse of History // Is Massa Day Dead? Black Moods in the Caribbean. – N.Y.: Anchor Books, 1974. – P. 1-27.

On White Magic and Black Fiction, or how Erna Brodber's Myal was Made?

Tlostanova Madina Vladimirovna

Full doctor of Philology, professor,
Full Professor in History of Philosophy Department,
Peoples' Friendship University of Russia,
P.O. Box 117198, Miklukho-Maklaya st., № 6, Moscow, Russia;
e-mail: mydina@yandex.ru

Abstract

The article considers contemporary Jamaican writer Erna Brodber's novel *Myal* in the context of Afro-Caribbean tradition, and in comparison with literary conventions of postmodernism and postcolonial fiction taking into account the gender dimension as well. The author examines Brodber's specific scientific-fictional mode based on the participatory sociology and the healing power of community. The article offers a historical and cultural analysis of Myalism as a hybrid religion of liberation finding a literal and metaphorical expression in the novel. The author dwells on the analysis of the specific Caribbean "skaz" (oral narrative) grounded in the cultural and linguistic code-switching as Brodber's main instrument in the creation of her artistic universe; and concentrates on the non-linear anti-progressive time model the novel is based on. A special attention is paid to a thorough examination of narrative, structural, plot and characterization principles of *Myal* which becomes a complex narrative puzzle with a false bottom. The article comes to a conclusion on the singularity of Brodber's poetics as she sees her creative work as an act of healing, liberation and reconstruction of the wholeness of being, consciousness and aesthesis of the writer and the readers. This distinguishes her both from the resistance model of postcolonial fiction and the total fragmentation as the main postmodernist leitmotif.

Keywords

Erna Brodber, Caribbean fiction, Myalism, postcolonialism, postmodernism, decolonial aesthetics.

References

1. Alban Achinte A. (2006). *Texiando textos y saberes. Cinco hijos para pensar los estudios culturales, la colonialidad y la interculturalidad*, Popayán, 121 p.
2. Brathwaite, E.K. (1984), *History of the Voice. The Development of Nation Language in the Anglophone*, New Beacon Books, London, 88 p.
3. Brodber, E. (1988), *Myal*, L., 111 p.
4. Brodber, E. (1990), "Fiction in the Scientific Procedure", *Caribbean Women Writers: Essays from the First International Conference*, Wellesley, P. 165-166.

5. Cliff, M. (1987), *No Telephone to Heaven*, N.Y., 224 p.
6. Comaroff, John, Comaroff, Jean. (1997), *Of Revelation and Revolution: The Dialectics of Modernity on a South African Frontier*, Chicago, 612 p.
7. Fanon, F. (1967 [1952]), *Black Skin, White Masks*, N.Y., 232 p.
8. Gates, H. L. (1988), *The Signifying Monkey: A Theory of African-American Literary Criticism*, Oxford, 320 p.
9. Henry, P. (2000), *Caliban's Reason. Introducing Afro-Caribbean Philosophy*, N.Y., 304 p.
10. Lorde, A. (1984), "The Master's Tools Will Never Dismantle the Master's House", *Sister Outsider: Essays and Speeches*, Darlinghurst, pp. 110-114.
11. Maldonado-Torres, N. (2007), "On the Coloniality of Being: Contributions to the Development of a Concept", *Cultural Studies*, V. 21, No. 2-3, March/May, pp. 240-270.
12. Ortiz, F. (1995 [1940]), *Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar*, Durham, 408 p.
13. Tiffin, H. (1995), "Postcolonial Literatures and Counter-Discourse", *The Postcolonial Studies Reader*, L., N.Y., pp. 95-98.
14. Tlostanova, M.V. (2004), "Theoretical Problems and the fiction of the 80-90s" ["Teoreticheskie problemy i literatura 80-90h gg."], *Istorija Literatury Latinskoj Ameriki*, Vol. IV, Moscow, 584 p.
15. Tlostanova, M.V. (2004), *Living Never. Writing from Nowhere. Post-Soviet Fiction and the Aesthetics of Transculturation* [Zhit' nikogda. Pisat' niotkuda. Posts-ovetskaja literatura i jestetika transkul'turacii], Moscow, 415 p.
16. Walcott, D. (1974), "The Muse of History", *Is Massa Day Dead? Black Moods in the Caribbean*, N.Y., P. 1-27.